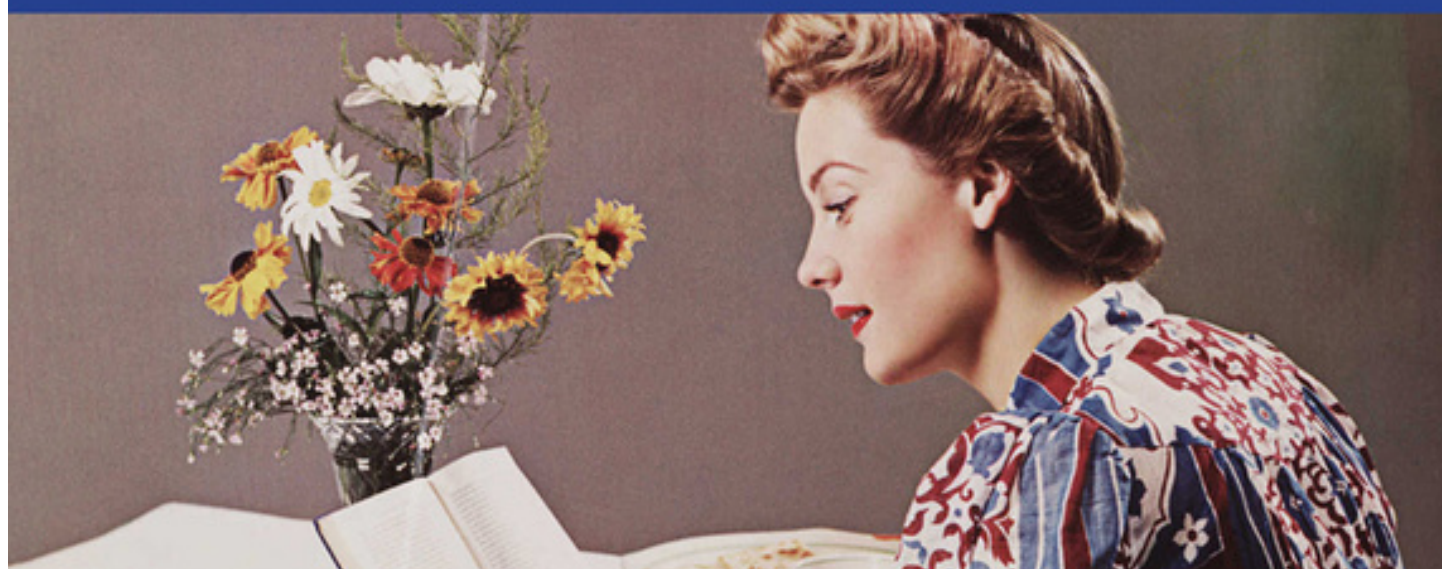

Галина Щербакова

Стена

ФТМ

Галина Щербакова

Стена

«ФТМ»

1975

Щербакова Г. Н.

Стена / Г. Н. Щербакова — «ФТМ», 1975

Человек слаб и одинок в этом мире. Судьба играет им, как поток – случайной щепкой. Порой нет уже ни надежды спастись, ни желания бороться. И тогда мелькает впереди луч света. Любовь – или то, что ею кажется. И вновь рождается надежда. Потому что Жизнь есть Любовь, а Любовь есть Жизнь...
Произведение входит в авторский сборник «Актриса и милиционер»

© Щербакова Г. Н., 1975

© ФТМ, 1975

Галина Щербакова

Стена

Этот вечер – как все. И вчерашний и завтрашний... Шипят две газовые горелки. На одной – чайник, на другой – ковшик для кофе. Давно хочется приобрести специальную посудину с суживающимся верхом – какое-то у нее смешное название? – но все не попадает. А с другой стороны... чем плох ковшик? Глупости все это. Блажь... Не все ли равно, в чем вскипятить стакан воды.

Ираида Александровна и Вячеслав Матвеевич ждут возле конфорок. Смешно стоять вдвоем возле одной плиты, но кто это видит? Синхронно выключают газ, синхронно уносят все на стол, синхронно наливают каждый в свою чашку. С треском распаиваются два газетных разворота: «Советский спорт» – у В. М., «Вечерка» – у И. А. Вечер – как все.

Когда двое молчат, вокруг них (или вместо них?) начинают общаться вещи. Может, это какой-то закон сохранения связей? Сахарница, например, явно благоволит к Вячеславу Матвеевичу. Она прямо выгалькивает из своего нутра ему на ложечку кусочки рафинада. А Ираида Александровна лезет в нее пальцами, потому что не может поймать ложечкой ни кусочка, а мстительная сахарница стискивает ей пальцы, и они, неуклюжие, толстые, шевелятся в пустом движении за толстым стеклом. Фу, как нелепо!.. Можно ей наконец спокойно выпить кофе в этом проклятом доме?

А стулья скрипят, а форточка сквозит... Счетчик сверчит... кран капает... Почему-то затрещала лампочка, и полиэтиленовый пакет запах вызывающе и противно.

И газеты у них – как нигде – на переднем рубеже борьбы. Они и засада, и баррикада. Прикрытие неожиданного нападения и средство защиты. Проигрыш наших хоккеистов в Праге, оказывается, может быть великолепным катализатором для гнева. Он подымается в В. М. молодой клокочущей силой и вот навывает, через две газеты, бах:

– Спрячь рейтузы... Женщина называется.

Дрогнули, сомкнулись колени. Кофе стал горьким. Ах, она забыла помешать сахар. Все забывает, все!.. Врачи говорят – естественный процесс, хотя, конечно, если соблюдать режим... Если беречь нервы... Убережешь... Даже дома не походишь как хочешь... О чем она больше всего думает после обеда до шести? Прийти домой и скинуть к чертовой матери французскую грацию. И влезть в старый байковый халатик с дырками на локтях... И вольно расставить колени, как делала когда-то ее мама на нижней приступочке высокого деревянного крыльца. Она опускала руки в цветастый, низко провисший подол, и никто никогда ей ничего не говорил. Не смел говорить. Сидела как хотела и сколько хотела.

А этот ведь знает, как ей трудно весь день в амуниции, с придавленным к позвоночнику животом... Нельзя иначе... Она – руководитель, у нее тридцать семь человек в подчинении. И все больше мужики. Он это прекрасно знает, и каждый раз одно и то же: к чему-нибудь домашнему прицепится.

Глаза пробежали по столбику некрологов.

– Петренко умер, – пробилась она сквозь две газеты. – Он на сколько лет моложе тебя?

В. М. ухмыльнулся. Две минуты он ожидал, что она выдаст ему эту новость из жизни Петренко. Сегодня звонили ребята из министерства, спрашивали, «примет ли он участие в венке». Он отправил с курьером пятерку в конверте, на котором было написано: «С праздником!» Петренко был моложе его на два месяца.

Слюнявя конверт, он сегодня подумал: значит, в принципе и я мог два месяца назад?... Эта мысль столько раз приходила потом к нему в течение дня, что в конце концов перестала пугать. Вот сейчас о смерти даже сладко подумалось. Все кончилось бы... Был бы покой... Не было бы ее.

Сейчас она должна пойти на попятную, потому что, что там ни говори, а она боится, что он умрет раньше. Она боится оставаться одна в их квартире ночью. Ее пугает стена. Когда он в командировке, она зовет ночевать свою бывшую сослуживицу, которую выпихнула на пенсию сразу же, как той исполнилось пятьдесят пять... Но та дура все равно приходит, чтоб сладко на даровщинку поесть... Осетринки, икры, сосисок без целлофана, кофе растворимого с конфетками «Вечерний звон». На рядовую пенсию таких ужинов не сварганишь. Его командировки ей, старой обжоре, – подарок. Пусть молится стене, которой боится ее бывшая начальница.

– Я купила миноги. В холодильнике.

В. М. внутренне хихикает. Ой, как он ее знает. Подлизывается!

– Творог свежий. Сделать сырники?

Дрогнул в руках «Советский спорт» – весь ответ.

И. А. вздыхает, потом задумчиво выливает кофе из чашки обратно в кофейник.

– Жадная, – весело раздается за «Советским спортом». – Опять спивки сливаешь?

И. А. смотрит на него обиженно:

– Твое какое дело? Я сливаю, я и пью.

Но В. М. уже замер, он уже все сказал, больше она не дожидается ни слова. И. А. моет свою чашку, ставит ее в сушилку и уходит в ванную. В. М. прислушивается к тому, что она делает, как пустила воду, как загромычала тазиком. Заперлась...

Он встает и достает из угла, где стоит ящик из-под цветного телевизора, «маленькую». Пьет прямо из горлышка. Жадно, с наслаждением. Раньше он делал это открыто. Ставил на стол. А еще раньше предлагал ей: «Хочешь?» Тонкие, выщипанные брови подпрыгивали у нее прямо к волосам. «Что?!» И заведется, заведется...

Однажды, когда они сцепились, он неожиданно посмотрел в зеркало. Такие оба страшные, что он от потрясения замолчал вообще суток на десять. А она в дом приволокла врача под видом сослуживца. Пришлось заговорить, чтоб отстала и перестала втягивать посторонних.

Но он тогда хорошо, от души помолчал! С тех пор употребляет индивидуально. С собой наедине.

И. А. стирает трусы, лифчик, думает: «Сейчас он пьет. Я видела в ящике бутылочку». Стряхивает мыльную пену, наклоняется и достает из-под ванны такую же. «В любом месте... Чтo только руку протянуть...» Хочет вылить в раковину, потом машет рукой: «Черт с ним». Ставит бутылочку на место.

Знала бы она раньше, знала бы... Что знала бы? Пока жили в коммунальной квартире, все было в порядке. А в отдельной начал.

Говорят, все должно быть наоборот... У них же чем лучше – тем хуже... Но никто этого не знает, ни один человек! Она ненавидит женщин, которые плачутся и жалуются. Никто и ничто не заставит ее сказать о нем плохо. А знает ли он, чего это ей стоит? Как ей иногда хочется завопить! Не может. Не может она себе позволить такой роскоши...

Пусть все думают, что у них все как вначале. Начинали ведь хорошо, что там говорить. Было же у них полное понимание. Кто раньше приходил, тот и готовил. И стирали вместе – она трет, он выкручивает. Ей говорили: «Какой у вас муж!» Куда все это делось? Разве хорошее само по себе может превратиться в плохое? Для этого надо постараться! И уж он к этому ручки приложил.

Переехали в отдельную, и вдруг выяснилось: ничего ему не надо. Каждую принесенную вещь встречал с таким сарказмом, что можно подумать, она сирот обирала. Потом пользовался всем как миленький. Но начало всегда было такое! «Барахольщица!» Любил эту тему – «мне ничего не надо». Костюмы шил, как одолжение делал. Решила она тогда его внимание переключить на животный мир – купила собаку. Отдала потом ее даром, только чтоб взяли, – так он с собакой полюбили друг друга. «Эх ты!» – сказал он тогда ей. Что – эх она?

В. М. ест миноги руками, стоя возле холодильника. Лицо у него умиротворенное.

«Пью, – произносит он свой обычный внутренний монолог, – да, пью! А какое кому дело? Я после службы и на свои... Я не в подъезде, я дома...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.